

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗНАКОМСТВА

ЭТОТ ДОМ прозрачен. Все двери — стеклянные. Но, наверное, хозяйке, котская видела, как в блсканном Ленинграде люди из жалости и любви к красоте возводили из фанеры и картона фасады разбомбленных домов и рисовали на них ниши со статуями, пилястры и столбы, чтобы приблизить день, когда снова все будет на своих местах, хозяйке кажется естественным, что двери ее мирного дома, ее и поэта Ральфа Парве, сделаны из стекла.

За домом, во дворе, растут высокие сосны. Однажды зимой фотограф снимал Лилли Промет для нашей газеты. Лилли прислонилась к сосне, чуть сдвинула набок меховую шляпку и улыбнулась. Пожалуй, этот снимок был не для газеты, скорее он годился для журнала мод. «Отчего же, — смеялась Лилли, — «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...». И вообще, почему вы считаете, что серьезный писатель не может быть красивым одет, и улыбаться, и быть земным...». Так и утвердили эту фотографию с земной, элегантно, улыбающейся женщиной, которая писала:

О, взгляните же на меня!
У меня за спиной
вырастают
Два крыла!

И это соединение в ней естественно, потому что оно есть в самой жизни, где есть колодец и журавель, и холодная чудесная вода, и рядом есть другой колодец:

ты горлом высохшим,
приникнув,
пьешь из колодца
миражей
и на холодном снежном
поле
тюльпаны красные
срезаешь...

Критики давно порешили, что стихи — не самое главное в творчестве Лилли Промет. Сама она как-то написала: «Каждому художнику известно по собственному опыту, что различные темы требуют различных материалов и форм для своего воплощения. Так и со мной случалось не раз, что мысли и чувства, волновавшие меня, выливались не прозой, а стихами».

Мысли, вылившиеся в стихи, чаще всего о красоте. Лилли Промет — дочь художника, и сама мечтала стать живописцем. Более все-

го об этом свидетельствуют ее стихи, где «яблоки лопаются от смеха», где клен «в горячке», где беспечная ольха «листья сбрасывает бесстыдно», где мир мазка, палитры, кисти.

Однажды в большую комнату, где повсюду стояли цветы, на стенах висели картины, на полу стояли скульптуры, Лилли Промет принесла и показала мне небольшую коробку, обтянутую фиолетовым шелком. «Смотрите, какой сказочный пода-

ник объективен, ибо он всегда ищет истину. Он ищет истину, и поэтому он судия всех нас. Он ищет истину, но абсолютной истины не существует, есть только всеобщий поиск ее, а потому художник не только судия, но и — вместе с нами — «подсудимый».

Никто, кроме художника, не обязан ломать голову над всеми этими проблемами. Можно просто любоваться картинами, наслаждаться игрой актеров, читать книги.

блестящими, остроумными... Никто из нас не имел права споткнуться или зашататься от головокружения... С той минуты, как откроется занавес, из зала на сцену будут смотреть не изнуренные дистрофией люди, а требовательные ленинградцы, душа которых едва держится на голодном пайке, но в искусстве суррогатами не удовлетворяется и скидок не делает».

Речь здесь идет о спектакле по блистательной коме-

Лилли ПРОМЕТ — 60

ЭТОТ ДОМ ПРОЗРАЧЕН...

рок. Это коробка для рукоделия, которой пользовались наши бабушки». И объяснила мне назначение каждого из отделений — для ножниц, для наперстка... В этой сцене не было момента умиления, просто там, где можно найти красоту, Лилли Промет ее находит, возвращает, делает предметом искусства. Она не стала живописцем, но она стала Художником.

Пожалуй наибольшие споры и разночтения вызвал роман Лилли Промет «Примавера». Автора упрекали в поощрении чрезмерного, раздражающего эстетического снобизма героини, говорили, что автору следовало бы поиронизировать над героиней... Годы охладили полемический задор, и думается, что теперь уже ясно — «Примаверу» нельзя вырвать из контекста многолетнего творчества прозаика, где есть и война, и блокадный Ленинград, и оккупированная Эстония, и Эстония строящаяся, и колхоз в Татарии, и где так естественно должен был возникнуть роман об искусстве, его путях, исповеди творца.

Роман «Примавера» — размышления об искусстве. Место действия — Италия, родина Ренессанса, героиня — актриса. Она готовит роль шекспировской Клеопатры.

Художник живет среди нас и пишет о нас, и живет в каждом из своих героев. Художник субъективен, ибо он всегда пристрастен. Худож-

ник Шекспира «Два веронца». А в это время на столе, возле печки, растопленной декорациями к «Отелло» и «Мизантропу», лежат три крошечных сухарика — паек трех актрис. В гримерную тихо зашел актер, игравший роль герцога Миланского, увидел на столе сухарики, повернулся к актрисам спиной и, совершенно бесшумно, без хруста, осторожно съел их. Лилли Промет кончает новеллу: «Мы и теперь иногда встречаем его, хотя он после войны играет герцога Миланского в другом театре. И он думает, что мы ничего не знаем о той истории».

Слава богу, что он так думает. Было бы ужасно, если бы он догадался, что мы видели и знаем все!».

Последняя фраза новеллы — попытка писателя помочь человеку справиться со своей слабостью, преодолеть свою трусость. Здесь нет прощения, жалости или понимания. Тремя сухариками зачеркнут человек, от которого осталось только имя действующего лица комедии. Но остался еще совесть и память и муки этой памяти, и муки этой совести. Муки общие для всех героев новелл, ибо весь Ленинград тогда был единым телом, единой душой, которая погибала в каждой слабости и воскресала в каждом мужестве.

Об этой единой симфонии Ленинграда пишет Лилли Промет в другой новелле, где Большой симфонический

оркестр вышел на улицы, чтобы разбирать развалины: «Здесь были представлены все группы инструментов: скрипки, рояли, арфы, трубы, рожки, флейты и барабаны...».

О войне Лилли Промет пишет и по-другому, вне аллегорий и метафор, вне тонкой лирики и живописных деталей, почти холодно, почти документально, воспроизводя ужас фашизма, топчущего души людей. Я имею в виду повесть «Кто распрашивает анекдоты?», где в описания и речь персонажей, перебивая, вторгаются сводки с театра военных действий. Я имею в виду «Время темных окон» — это произведение названо повестью, но, по сути, это пьеса, неудержимо рвущаяся к трагической своей развязке — концентрационному лагерю в Клоога, где гибнет героиня Маарья, отказавшаяся от помощи своего бывшего приятеля, ставшего унтерштурмфюрером СС...

Осенью 1944 года Лилли Промет снова шла по улицам родного Таллина, думая о потерях и бедах, думая о приобретениях — дружбе и мужестве, думая об искусстве — живописи и красоте... Лилли Промет пишет романы, повести, пьесы, сценарии, новеллы. И еще — сказки. Часть из них написана на темы бродячих сюжетов, и они чем-то переключаются со сказками Оскара Уайльда. И в них всегда

есть свое: волшебную сказку Лилли Промет превращает в доказательную реалистическую историю, снабдив ее огромным количеством бытовых, конкретных деталей, как это сделано в «Женихах трех дев» или в «Дереве странного свойства».

Сказки переключаются с новеллами о детях. В одной из них — «К тебе никогда не придет Дед-Мороз» — взрослая гостья убеждает девочку в том, что Деда-Мороза не существует. И девочка совсем спокойно, нимало не огорчившись, отвечает ей: «К тебе никогда не придет Дед-Мороз». Это новелла о детской душе, о детской вере в прекрасное, которую нужно пронести через всю жизнь, ибо она ограждает от черствости и эгоизма, ибо она учит добру и красоте. Добру и красоте, которым учит нас творчество Лилли Промет.

В одном из стихотворений Лилли Промет написала:

Только слова
стремительны,
и мне не успеть
поймать их.

В день шестидесятилетия писательницы хочется пожелать, чтобы ее силки для слов и мыслей были по-прежнему прочны и чтобы найденные ею образы еще много лет шли к читателю.